

УДК 94(44).045

В статье рассматривается документ, созданный Людовиком XVIII в 1799 г. и носящий название «Об обязанностях короля». Этот текст вписывается в панораму контрреволюционного движения в годы Французской революции XVIII в.; затрагиваются также проблемы поиска королём Франции компромисса между Старым и новым порядком, революцией и контрреволюцией.

Ключевые слова: революция; контрреволюция; Директория; Людовик XVIII; история Франции.

The article is based on the document which is called «On the duties of the King» and was written by Louis XVIII in 1799. This text is shown as a part of the broader picture of the counter-revolutionary movement during the French Revolution of XVIII century. The author also examines the endeavors made by the king of France in his search for a compromise between the Old and the new order, between the revolution and the counter-revolution.

Key words: Revolution; Counter-Revolution; Directory; Louis XVIII; the history of France.

Д. Ю. Бовыкин

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Институт всеобщей истории РАН
E-mail: bovykine@yandex.ru*

Людовик XVIII об обязанностях короля*

Научная статья

D. Yu. Bovykin

*Lomonosov Moscow State University
Institute of World History
E-mail: bovykine@yandex.ru*

Louis XVIII on the Duties of the King

Scientific article

Изучение борьбы с последствиями Французской революции XVIII века сложно назвать популярной темой. Если в XIX в. выходило немало воспоминаний видных деятелей роялистского лагеря, капитальных трудов по истории контрреволюции и книг, посвящённых отдельным персоналиям, то в XX в., особенно во второй его половине, ситуация кардинально изменилась. Десятки авторов изучают историю вандейского мятежа, занимаются исследованиями эмиграции. За пределами этого существует, безусловно, множество статей и книг, посвящённых различным аспектам контрреволюции, однако обобщающих работ немного¹.

¹ Самая известная, пожалуй, принадлежит перу Ж. Годшо [1]. За пределами этого можно назвать три основные работы: Ж. Жанжамбра [2], Ж.-К. Мартена [3] и Х. Митчелла [4].

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 14-18-01116.

Очевидно и практически полное отсутствие трудов, посвящённых такому явному (в силу титула и статуса) лидеру роялистов, как брат Людовика XVI, граф Прованский. В 1792 г. он эмигрировал из страны и пытался объединить вокруг себя все контрреволюционные силы, а в 1795 г., после объявления о смерти своего племянника, провозгласил себя королём Франции под именем Людовика XVIII². Его образ, сложившийся в историографии, оказывается далёк от реального и во многом диктуется расхожей фразой: «Бурбоны

² За исключением ряда научно-популярных работ, в XX в. ему было посвящено всего две книги, причём обе принадлежали перу не специалистов по Французской революции: книга Ф. Мэнсела [5] переиздавалась на английском языке в 1999 и 2005 гг. и на французском – в 1982, 2004 и 2013 гг.; монография Э. Левея также выдержала не одно переиздание [6].

ничего не забыли и ничему не научились». Как писал, в частности, Е. В. Тарле, «основная мысль графа Прованского, которую он выражал много раз [...], заключается в том, что, взойдя на прародительский престол, он [...] никаких ограничений своей власти, никаких компромиссов не допустит» [7, с. 69]. Однако анализ архивных документов, сохранившихся в фонде Бурбонов в архиве Министерства иностранных дел Франции, приводит к иным выводам: после неудачной Веронской декларации, изданной им в 1795 г. сразу после восшествия на престол, Людовик XVIII в 1795–1799 гг. существенно скорректировал свои взгляды [8] и неоднократно заявлял о своей готовности к компромиссу с Революцией. В частности, он обещал даровать народу конституцию, созвать Генеральные штаты, сохранить, по крайней мере, временно значительную часть революционного законодательства, гарантировал амнистию.

Документы дают всеобъемлющее представление о политическом проекте Людовика XVIII, но все они были предназначены для предания гласности, создания определённого образа короля у его подданных. По ним невозможно, разумеется, сказать, насколько искренним был Людовик, идя на эти уступки, как он видел истинное предназначение государя. Не знаем мы и того, стал бы король выполнять свои обещания, если бы мятежные подданные действительно призвали его в эти годы на трон.

Существует документ, который позволяет хотя бы частично ответить на эти вопросы. В 1799 г., находясь в Митаве, на территории Российской империи, Людовик XVIII составил очень любопытный и довольно обширный текст «Об обязанностях короля»³. Его адресат – Луи-Антуан, герцог Ангулемский (1775–1844), старший сын младшего брата Людовика XVI, графа д'Артуа. Когда в 1795 г. Людовик XVIII взойшёл на трон, то, поскольку у него не было детей, наследником престола стал считаться граф д'Артуа, а вторым в линии наследования – как раз герцог Ангулемский. Людовик XVIII приложил немало усилий, чтобы выдать за него замуж единственного оставшегося в живых ребёнка Людовика XVI, его дочь. Забегая вперёд, скажу, что герцог Ангулемский действительно станет королём Франции, Людови-

ком XIX, но всего на 20 минут: между отречением Карла X и своим собственным.

Документ был написан не просто французским монархом, а государем, который вот уже восемь лет находился в эмиграции; королём, никогда не правившим и к тому времени не первый год размышлявшим о том, на каких основах будет восстановлена его власть после Революции, что может и должно сохраниться от Старого порядка, что должно измениться. Это текст, скорее, морально-этического плана, масштабный, лишённый конкретики. Тем не менее он позволяет судить о том, что представлялось Людовику XVIII особенно важным для любого государя.

«Две вещи необходимы человеку, – писал король, – счастье в этой жизни и вечное блаженство в иной. Эти две вещи, по сути, представляют собой одну, поскольку невозможно быть счастливым в настоящем, если не ощущаешь, что работаешь для будущего» [9].

Текст не случайно начинается с религиозных основ жизни монарха. Существуют разные точки зрения на тему о том, насколько верующим был сам Людовик XVIII, однако из всех документов, в которых обсуждалось будущее государственное устройство Франции, видно, что религии он неизменно придавал особое значение: она была одной из тех основ Старого порядка, которой он никогда не готов был поступиться.

Напомним, что монарх может как сделать немало добра, так и причинить немало зла, Людовик XVIII поясняет:

«Вы причините немало зла не только если не будете уважать религию, но и если не заставите её уважать других, если любовь к удовольствиям или к отдыху заставит вас пренебрегать делами, и вы будете их перекладывать исключительно на своих министров, если вы будете слишком жестоки или слишком снисходительны, если вы не позаботитесь о правильном и расторопном отправлении правосудия, если вы станете пускать на излишества доходы государства, если будете предпринимать войны, влекомые единственным желанием преумножить своё могущество или снискать себе славу великого воина, если не станете скрупулезно следить за выполнением ваших обещаний и соблюдением заключённых вами договоров...» [9].

Прислушиваться к членам Совета, но решения принимать самостоятельно; быть жёст-

³ Текст был найден одним из крупнейших специалистов по истории контрреволюции конца XIX – начала XX в. Э. Доде и опубликован в: [9, р. 221–234].

ким, но не твердолобым; проявлять милосердие (право помилования сближает монарха с богом), но не вызывать у подданных страха... Картина, которую рисует король, кажется весьма банальной и, по сути, вневременной. Кажется, что то же самое могли бы написать и Людовик XIV, и Людовик XV, и Людовик XVI. И всё же есть несколько моментов, которые кажутся мне довольно специфическими.

Прежде всего необычно много Людовик XVIII размышляет о милосердии. Контекст размышлений понятен: шансы на реставрацию монархии непосредственно зависели от того, готов ли король помиловать участников Революции, в частности тех, кто голосовал за казнь его брата. В Веронской декларации 1795 г. Людовик XVIII высказался вполне определённо: есть преступления, которые королевского милосердия не заслуживают. С тех пор он успел осознать, что это было ошибкой, в официальных заявлениях тон короля значительно смягчился, но здесь он явно продолжает раздумывать над этим сюжетом. Прав ли он? Может ли король позволить себе помиловать убийцу? Формально призывая племянника к милосердию, король напоминает ему разговор между Людовиком XIV и его воспитателем герцогом Монтозье: когда государь помиловал убийцу, а тот потом убил ещё 19 человек, герцог заявил, что преступник убил лишь одного, а 19 других убил монарх.

Много места уделено и обсуждению государственных расходов, что тоже не удивительно: несбалансированность бюджета стала одной из главных причин революции. Перечислив многочисленные статьи расходов казны, Людовик XVIII специально оговаривает, что, хотя значительные расходы на дворец и двор ныне считаются излишними, «люди управляют, по большей части, через глаза, таким образом, необходимо, чтобы король покорял зрение своих подданных, и если он не появляется на людях иначе как с внушительной свитой, его и уважают меньше» [9]. Исключением из правила, безусловно, являлся Фридрих II, однако «прежде чем подражать ему в Сан-Суси, необходимо совершить нечто равное Праге и Торгау». Любопытно, что Людовик называет именно эти сражения Семилетней войны: в 1757 г. в кровавой битве под Прагой Фридриху с огромным трудом удалось остановить бегство своих войск и одержать победу, в 1760 г. в кровоп-

ролитнейшей (обе стороны постарались скрыть свои потери) битве при Торгау пруссаки победили чудом и в последний момент. Особенно король предостерегает племянника от больших расходов на войну и приводит сказанные незадолго до смерти горькие слова Людовика XIV: «Я слишком любил войну»⁴.

Вопросы внешней политики постоянно привлекали внимание короля. Как с финансов он легко переходит к обсуждению цены военных побед, так вместо верности монарха данному слову Людовик XVIII сразу же начинает размышлять о том, насколько опасно давать слово, особенно при заключении международных договоров, не подумав о последствиях. Союз с Австрией, напоминает он, был заключён исключительно ради мира в Европе, а привёл к Семилетней войне.

Впрочем, и проблемы внутренних реформ не давали королю покоя. В различных текстах первого пятилетия после вступления на престол он то и дело возвращался к вопросу: что же из отличительных черт Старого порядка следует сохранить, а что – реформировать.

«Самый опасный подводный камень для добродетельного короля – это благое стремление к нововведениям. Следует признать, что оно чрезвычайно соблазнительно. Когда видишь в нашей стране институты, которые кажутся порочными, а где-то в ином месте те, которые не только кажутся хорошими сами по себе, но и полученный опыт говорит в их пользу, трудно сопротивляться желанию отменить одни и ввести другие» [10].

Между тем, предостерегает монарх, торопиться не стоит. Следует сначала выяснить: те институты, которые планируется отменить, плохи ли они в основе своей? Нет ли им аналогов в истории своей страны? Имеет ли право король менять конституцию? А если имеет, будет ли от этого больше пользы, нежели вреда? На последних двух вопросах Людовик XVIII останавливается особо, спрашивая у племянника, задумывался ли тот когда-нибудь, что такое быть королём?

«Быть может, вы привязаны к идее абсолютной власти, перед которой Закон умолкает или его, по меньшей мере, можно менять по собственному

⁴ Эти слова Людовик якобы сказал дофину на смертном одре, полностью фраза звучит следующим образом: «Я слишком любил войну; не подражайте мне ни в этом, ни в слишком больших тратах» [10, р. 155].

желанию? Это было бы довольно опасной ошибкой: у короля Франции, несомненно, куда больше власти, чем у короля Англии, но и его власть имеет свои пределы. Нация тоже имеет свои права. И если подданный, который отказывается повиноваться, – мятежник, то государь, который нарушает права нации, – тиран, а в чём-то и он мятежник, мятежник против Бога, поскольку, как говорил Святой Павел, «кто сопротивляется установлениям, тот сопротивляется Богу»⁵. [...] Иными словами, этот порядок, столь уважаемый, что сопротивляться ему означает сопротивляться самому Богу, – конституция той страны, в которой родился, тот писанный или неписанный договор, который соединяет подданных с сувереном и суверена с подданными, та благословенная цепь, первое звено которой в руках Всемогущего. Франция его имела, вернее, она всегда его имеет, без него я не был бы королём...» [10].

Таким образом, Людовик XVIII продолжает ту же линию, которой придерживался и ранее. Формально он остается в рамках традиционного понимания французской политической системы – признания наличия неписаной конституции (фундаментальных законов французской монархии), подчинения короля закону, включая отсылки к *scala naturæ*. Более того, он подчёркивает, с какой «глубочайшей мудростью» эта конституция «исключает саму идею нововведений». И тут же *de facto* модифицирует её.

«В государстве необходимы четыре власти: законодательная, исполнительная, судебная и административная. Законодательная власть принадлежит Королю, однако она ограничена. Он не может принять никакого основополагающего (*constitutive*) закона без участия законным образом представленной нации. Что же до законов гражданских, то есть тех, которые предписывают наказания за преступления, управляют имуществом граждан и т. д., он не может принимать их в окончательной форме без того же самого участия. Законы временные он может принимать без представителей нации, однако для них требуется свободная верификация и свободная регистрация

⁵ Как ни странно, Людовик, имевший отличное образование, искажает цитату из послания апостола Павла римлянам: вместо «qui resistit potestati, Dei ordinationi resistit» (т. е. «противящийся власти противится Божию установлению») в его тексте ««qui ordinationi resistit, Dei resistit».

суверенными судами. При этом лишь Королю принадлежит право составлять и обнародовать и те и другие» [9].

Абзац очень важный. Людовик не только выделяет четыре ветви власти, а не три, как мы привыкли сегодня, он фактически предусматривает восстановление парламентов, тогда как в тех документах, которые предназначались для публикации, он либо обходил этот вопрос, либо намекал, что парламенты восстановлены не будут.

Далее король даёт несколько пояснений. Исполнительную власть государь вершит в соответствии с законом и делит с официальными лицами, которые действуют от его имени, что на первый взгляд совпадает с традиционной для французской монархии концепцией «раздробления властей». Однако официальные лица («офицье») назначаются пожизненно и могут утратить свою должность в случае смерти, добровольной отставки или вследствие судебного решения. О продаже должностей нет ни слова, напротив, фактически признаётся принцип несменяемости должностных лиц.

На судебной власти король подробно не останавливался, административная же, в его понимании, связана с взиманием налогов и принадлежит королю безраздельно. Специально оговаривается, что налоги взимаются со всех французов. Право их назначать и менять принадлежит лишь нации, на сей раз в виде Генеральных штатов. Право созыва и роспуска Генеральных штатов безоговорочно принадлежит королю и ничем не ограничено. Это ещё один небезынтересный момент, ведь с созыва Генеральных штатов фактически началась Французская революция. Тем не менее и здесь, и в иных документах монарх предполагает, что и его правление начнётся с созыва Генеральных штатов.

Таким образом, вышедший из-под пера Людовика XVIII текст «Об обязанностях короля» показывает, что эволюция его политических взглядов носит далеко не только конъюнктурный характер. Мысли, которыми король делится с племянником, наглядно демонстрируют, что перед нами не приверженец Старого порядка, как нередко говорится об этом государе в историографии, а готовый к компромиссам умелый и гибкий политик. Достаточно сказать, что весь текст пронизывает понятие «нация», безусловно существовавшее и до революции, но особенно харак-

терное именно для революционного дискурса. Самим своим существованием оно модифицирует предлагаемую королём политическую систему и столь ценимые им фундаментальные законы королевства⁶.

Одновременно сам текст, совершенно частного характера, изначально лишённый политической направленности, постепенно превращается в настоящую конституцию, где не прояснённые фундаментальными законами королевства моменты проясняются в пользу Людовика XVIII. Например, положение о регентстве: с его точки зрения, оно однозначно закреплено за наиболее близким к Короне принцем, если он совершеннолетний, находится на свободе и при этом в здравом уме.

Рассуждая о том, что его волнует, король фактически рассуждает о том, какой будет новая французская конституция. И чем дальше, тем меньше эта конституция похожа на ту, что была у французского королевства издавна. Очевидно, перед нами текст, написанный с учётом не только наказов в Генеральные штаты 1789 г., но и Декларации прав, и революционных конституций. В нём предусматривался аналог Habeas Corpus Act (в течение двадцати четырёх часов обвиняемый должен был быть доставлен в суд). Вводилась свобода вероисповедания, скорее по английскому образцу: католицизм объявлялся государственной религией и только католический культ мог

отправляться публично. Оговаривалась свобода печати, она ограничивалась лишь специальным законом о прессе и запретом публиковать анонимные сочинения. Одним словом, перед нами явно размышления не о воссоздании Старого порядка, а о создании нового, учитывающие все те изменения, которые произошли во Франции за десять лет революционных потрясений.

Ссылки

1. Godechot J. *La Contre-Révolution. Doctrine et action*, 1789–1804. P., 1961. 427 p.; 2ème éd. P., 1984. 426 p.
2. Gengembre G. *La Contre-Révolution ou l'histoire désespérante*. P., 1989. 349 p.
3. Martin J. C. *Contre-Révolution, Révolution et Nation en France, 1789–1799*. P., 1998. 367 p.
4. Mitchell H. *The underground war against revolutionary France*. Oxford, 1965. 286 p.
5. Mansel Ph. *Louis XVIII*. L., 1981. 497 p.
6. Lever E. *Louis XVIII*. P., 1988. 597 p. (réed. 1993, 1997, 2006, 2007, 2012).
7. Тарле Е. В. *Жерминаль и прериаль*. М., 1957. 358 с.
8. Бовыкин Д. Ю. «Ничего не забыли и многому научились...»: проекты реставрации монархии в 1799 г. // *Французский ежегодник*, 2005. М., 2005. С. 223–258.
9. Louis XVIII. *Les devoirs d'un roi* // *Feuilles d'histoire*. 1909. Vol. 2. P. 221–234.
10. *Mémoires secrets de Duclos* // *Collection des mémoires relatifs à l'histoire de la France*. P., 1829. Vol. LXXVI. 514 p.

⁶ Так, в частности, говорится, что нельзя отчуждать земли королевского домена «без согласия законным образом представленной нации», тогда как согласно фундаментальным законам это однозначно запрещено вообще.